

**«ОТСТУПНИКИ» НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ:
ЮГОСЛАВИЯ КОНЦА 1940-х – НАЧАЛА 1950-х ГГ. И КНР 1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
1980-х гг. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению югославской и китайской тематики, отраженной в советской художественной литературе рубежа 1940-х–1950-х и 1970-х–1980-х гг. Разрыв СССР со странами, недавно еще именуемыми «братскими», не мог не найти освещения и в художественной литературе. Специфика и продолжительность полемики в обоих случаях наложила отпечаток на количество и частоту публикаций критического характера, на степень обращения к теме в отечественной беллетристике периода двустороннего разрыва. При этом в обоих случаях несомненной была связь характера и содержания художественных произведений, обращавшихся к теме, с пропагандистским образом «стран-отступников», создававшимся отечественными СМИ и публицистикой. И в том и в другом случаях имела место интерпретация в негативном свете отдельных эпизодов истории данных стран и их компартий, резкая критика внутренней и внешней политики руководящих группировок «еретических» партий, присутствовал акцент на антисоветском характере этой политики. Последняя, как и курс руководства, не отождествлялись, однако, с народами Югославии и Китая, отделяемыми от правящих режимов. Вместе с тем и в пропагандистских установках, отраженных в советской беллетристике, обнаруживаются черты, с одной стороны, связанные как со спецификой исторического пути указанных стран, а с другой, – с уровнем развития советской балканистики и советского же китаеведения в обозначенные периоды. Последнее обстоятельство, по мнению автора, обусловило более высокий уровень критики в СССР политического курса китайского руководства в 1970-х – первой половине 1980-х гг. по сравнению с тем, что имело место в отношении Югославии поколением ранее. Рост уровня критики обнаруживается и при сопоставлении художественной литературы «периодов разрыва».

Ключевые слова: беллетристика, Китай, Югославия, разрыв, титоизм, маоизм

Эпоха информационных войн не может не обусловить актуальности исторического опыта пропагандистских баталий прошлого, как далекого от нас, так и совсем недавнего. В идеологических битвах периода «холодной войны» особое место принадлежит массированным кампаниям, проводившимся в странах «социалистического лагеря» и направленным своим острием против других стран, ранее причислявшихся к тому же лагерю, но в дальнейшем отлученным от него формально и / или фактически. Несомненный интерес здесь вызывает опыт двусторонней «бумажной войны» СССР против недавних своих союзников – Югославии рубежа 1940-х–1950-х гг., Албании начала 1960-х гг. и КНР 1960-х – середины 1980-х гг. Следует оговориться, что советско-албанская полемика в большей степени, во всяком случае, со стороны Москвы носила вторичный характер: в завуалированной форме она отражала разногласия между СССР и КНР, КПСС и КПК. Когда разногласия с Пекином стало уже невозможно маскировать, албанский фактор утратил свое значение для советского руководства. Напротив, проводимые в СССР пропагандистские акции против ФНРЮ и КНР (как и антисоветские акции в этих странах) были вполне «самостоятельны», «первичны» и не вуалировали каких-либо разногласий Советского Союза с третьими государствами. Поэтому представляется интересным сопоставить антититовскую кампанию в позднесталинском СССР с антимаоистской шумихой в Советском Союзе позднехрущевского и особенно брежневского периодов.

Учитывая чрезвычайную сложность и многогранность проблемы, в рамках настоящей статьи предполагается сопоставить отражения данных кампаний только в отечественной художественной литературе конца 1940-х – начала 1950-х гг., а также соответственно первой половины 1980-х гг. Заранее уточним, что речь пойдет лишь о прозаических произведениях.

Обозначенная проблема освещена в отечественной историографии совершенно недостаточно: применительно к Югославии лишь С. А. Романенко остановился на роли советской художественной литературы и киноискусства в антититовской пропаганде конца 1940-х – начала 1950-х гг. [13, с. 488–490, 494–500]; художественная же литература антимаоистской направленности пока еще специально не анализировалась, несмотря на интерес к проблеме восприятия Китая в нашей стране. Так, А. В. Лукин уделил внимание восприятию маоистского Китая и маоизма в СССР 1960-х–1980-х гг., но отражение соответствующей тематики в советской беллетристике заняло в исследовании этого автора немного места: анализируются главным образом отклики советской поэзии на пограничные

столкновения 1969 г. [9, с. 248–250].

Между тем, в соответствии с принципом «партийности» советская художественная литература не могла стоять в стороне от пропагандистской битвы с «предателями», отступившими от «едиственно верного учения». И поэзия, и проза активно использовались для обработки массового сознания в угодном власти направлении. При этом литераторами поднимался довольно широкий круг вопросов, находивших отражение и на страницах советской периодики [13, с. 484, 490–492, 498–502].

С момента начала открытой «бумажной войны» в первом случае (между СССР и ФНРЮ), как и во втором (между СССР и КНР), граждане Советского Союза не могли не задуматься о причинах столь быстрого перерождения вчера еще дружественных Москве государств во враждебные, а в югославском варианте – в «фашистское». В китайском варианте на этот вопрос развернуто писала советская пресса вкуче с публицистикой и кинопропагандой. В художественной литературе данный вопрос лишь фрагментарно находил отражение. К нему отчасти обратился М. И. Демиденко в своей повести «За великой стеной»¹ (1978). Глазами героя, советского технического специалиста, работавшего в Китае в 1950-е гг., он рассматривает постепенное нарастание антисоветских настроений в КНР накануне и особенно во время «большого скачка», отмечает прогрессирующее ухудшение положения советских специалистов (и отношения к ним) в сочетании с ростом пренебрежения к их рекомендациям. Обозначены автором и пропаганда национализма среди китайцев, и более чем снисходительное отношение к буржуазии, разделявшей с частью руководства КПК как националистические идеи, так и антисоветизм². Вопрос о причинах сильных националистических (и антисоветских) настроений в КПК в повести М. И. Демиденко не затронут – он упомянут только в предисловии к книге³, которое написано Л. С. Кюзаджаном – видным советским синологом, автором монографии об идеологических кампаниях, проходивших в КНР до «культурной революции» [8].

Напротив, в случае с Югославией советские писатели в меру своих сил подключились к ответу на вопрос о причинах разрыва между Белградом и Москвой. Здесь имело место обращение к истории югославской компартии и, в полном соответствии с представлениями сталинской эпохи, указывалось на засоренность ее рядов троцкистами, на проникновение в ее руководство «двурушников», до поры до времени скрывавших свои замыслы. Утверждалось, что вынужденные возглавить народно-освободительную борьбу Тито и его единомышленники не только саботировали на деле антифашистское Сопротивление, но и под разными предлогами истребляли верных друзей с СССР и ВКП(б) югославских коммунистов, намеренно направляли их на наиболее опасные участки или же просто сдавали оккупантам и коллаборационистам. Более того, окружение Тито и он сам обвинялись в сотрудничестве с прежней югославской королевской охранкой, а также с секретными службами империалистических государств, в т. ч. и гитлеровской Германии. Об этом постоянно заходит речь на страницах «Югославской трагедии» (1952) О. М. Мальцева – наиболее значительного произведения на антититовскую тематику в советской художественной литературе времен разрыва Москвы с Белградом⁴. В этом романе, как и в «Заговорщиках» (1951) Н. Н. Шпанова, в соответствующем ключе поданы контакты «группы Тито» с союзниками в военные годы; заодно упомянуты и закулисные переговоры титовцев с нацистами и их пособниками. Нельзя сказать, что последнее было сплошным вымыслом – много лет спустя и отечественная, и зарубежная историография признали, что И. Б. Тито действительно пытался вести переговоры с гитлеровским командованием и устахами и даже подумывал весной 1943 г. о тактическом временном союзе с ними, направленном против итальянских оккупантов и фактически опекаемых ими четников Драже Михайловича. Неверно, однако, утверждение исследователя Р. Уэста о неосведомленности по данному вопросу советского руководства – оно было в курсе титовских маневров и весьма нервно на них реагировало [14, с. 186–192]. Естественно, в первые послевоенные годы об этих маневрах в Советском Союзе умалчивали, но после разрыва о них «вспомнили» и надлежащим образом подали их, в т. ч. в художественной литературе. Обыгрывая данную тему, Н. Н. Шпанов писал, что Тито в конце концов предпочел «переметнуться» на сторону США⁵.

Отчасти сходным образом трактовались в Советском Союзе с конца 1960-х гг. причины и начало «отступничества» КПК. Здесь, как правило, не заострялся вопрос о троцкистском влиянии на КПК,

¹ Демиденко М. И. За великой стеной. М. : Молодая гвардия, 1978. 319 с.

² Демиденко М. И. Указ. соч. С. 61–63, 67–68, 71–72, 82–86, 92–98

³ Там же. С. 13–26.

⁴ Мальцев О. М. Югославская трагедия. М. : Воениздат, 1952. С. 219–232.

⁵ Шпанов Н. Заговорщики. Кн. 2. Перед расплатой. Челябинск : Челябинское книжное изд-во, 1953. С. 347–349.

и авторы антимаоистских публикаций 1970-х – начала 1980-х гг., говоря о годах Второй мировой войны, никогда не именовали яньаньское руководство КПК «империалистическими» (в т. ч. японскими) агентами. Не инкриминировалась ему и связь с гоминьдановской тайной полицией – определенное исключение в этом отношении составлял лишь Кан Шэн, многолетний фактический шеф маоцзэдуновской службы безопасности [3, с. 35, 39–48]. Но генезису маоизма, как и анализу его идеологии, внимание уделялось в исследовательской и публицистической, отчасти и в мемуарной [4] литературе. Советская художественная литература, как мы уже говорили, не обращалась к соответствующим сюжетам. Иначе обстояло дело с югославским конфликтом – в публикациях конца 1940-х – начала 1950-х гг. идеология титоизма не анализировалась вообще, но именно в художественной (!) литературе на нее глухо намекалось как на своеобразный «национальный социализм», причем заострялось внимание на созвучности данного термина названию гитлеровской партии⁶. В качестве «теоретиков» указывались М. Джилас, «аттестованный» писателем О. М. Мальцевым как возможный в будущем «югославский Геббельс», и М. Пьяде. Характеристика последнего, исходящая от западных союзников, во многом перекликается в романе с тем, что спустя 15–30 лет в СССР будут говорить и писать об идеях Мао, причем используя отчасти самооценки «великого кормчего» и его приверженцев [10, с. 41–53]: «Его [Пьяде – А. Д.] попытки «обогащать» и «углубить» марксизм достойны поощрения. Он способен любое нужное нам [западным державам – А. Д.] дело выдать за шаг вперед в развитии коммунистической доктрины. Правда, сам он карлик, и его философия не поднимается на более высокий уровень от того, что он ходит на высоких каблуках. Но, несмотря на это, вернее, благодаря этому, Пьяде как агитатор и пропагандист – истинная находка для Тито»⁷.

При этом ни И. Б. Тито, ни его окружению, в отличие от Мао, двумя-тремя десятилетиями спустя не инкриминировалось незнание марксизма как такового – антимарксистским признавалось само их мировоззрение.

В отличие от антимаоистских публикаций, в антититовской публицистике, как и в художественной литературе, ничего не говорилось и об исторических корнях титоизма, обусловленных своеобразной историей страны и давней традицией национализма: с учетом специфики Югославии как многонационального государства, ни один народ которого не составлял абсолютного большинства населения и не считался преобладающим, это было невозможно сделать.

Отметим и еще одно существенное отличие антититовских публикаций времен позднего сталинизма от позднейших публикаций антимаоистского характера. В последних, начиная с конца 1960-х гг., большое внимание уделялось не столько теории, сколько практике «великодержавного шовинизма» в исполнении «группы Мао»; и соответствующим образом бичевалась политика лидеров КНР в отношении неханьских народностей страны [2; 12]. Данная тема находила отражение и в советской художественной литературе. Так, в романе Х. М. Абдулина «Под небом Турфана» (1964, впоследствии дополнялся) показаны тяжелое положение уйгуров, коренного населения Синьцзяна в КНР, и их борьба против дискриминационной политики маоистов. В романе показан и массовый исход уйгуров в СССР в 1962 г., и их сопротивление жесткой ассимиляторской политике пекинского руководства периода «культурной революции»⁸. Регион Синьцзян автор называет *угнетенной Уйгурией*⁹. Напротив, в работах, обличавших белградскую политику рубежа 1940-х–1950-х гг., подобные мотивы отсутствовали. В антититовской литературе 1948–1953 гг. не критиковались пороки национально-государственного устройства Югославии, как и попытки Тито создать единую югославскую нацию.

Отсутствие в советской литературе данных сюжетов в качестве тем для осуждения легко объясняется несомненным сходством формы государственного устройства в СССР и ФНРЮ; наличием в их составе национальных образований, аналогичным отношением правителей обеих стран к любому этническому национализму; идентичностью их стремления к созданию наднациональных общностей – советского народа и югославской нации. Все это радикально отличалось от национальной политики руководства КНР и, напротив, свидетельствовало о близости как форм государственного устройства СССР и Югославии, так и взглядов И. В. Сталина и И. Б. Тито на пути решения национального вопроса в полиэтническом образовании.

Характеристикам личности руководителей ФНРЮ и КНР уделялось существенное внимание как в публицистической, так и в художественной (применительно к Югославии) литературе. В отно-

⁶Мальцев О. М. Указ. соч. С. 414–415.

⁷Там же. С. 219.

⁸Абдуллин Х. М. Под небом Турфана // Абдулин Х. М. По древним тропам / пер. с уйгурского. М. : Советский писатель, 1981. С. 4–232

⁹Там же. С. 232.

шении Тито и Мао обращалось внимание на их непомерное властолюбие, тщеславие, неразборчивость в средствах, беспринципность, жестокость¹⁰. Применительно к И. Б. Тито указывалось также на его пристрастие к роскоши¹¹, что вполне соответствовало истине: о том же писал порвавший в дальнейшем с диктатором М. Джилас, усердно обличаемый в советской антититовской публицистике и беллетристике середины XX в. [5, с. 108–121, 128–135].

В антититовской и антимаоистской литературе большое внимание уделялось осуждению внешней политики Белграда конца 1940-х – начала 1950-х гг. и Пекина два-три десятилетия спустя. Первая политика трактовалась как проимпериалистическая, безусловно, враждебная Советскому Союзу и странам «народной демократии»; югославский диктатор бичевался за вмешательство во внутренние дела соответствующих стран, организацию провокаций на границах с ними, экспансионистские амбиции. В качестве доказательств в публицистике и беллетристике обыкновенно использовались ссылки на материалы судебных процессов, проведенных в восточноевропейских странах над тамошними коммунистическими деятелями, ставшими негодными Москве. Одновременно указывалось, что югославское руководство, стремясь низвергнуть существующие в Болгарии, Албании, Венгрии, Румынии, Польше и Чехословакии режимы, действует не только и не столько исходя из собственных великодержавных устремлений, сколько во исполнение требований западных держав. Тито и его окружение безоговорочно клеймились при этом как агенты и марионетки международного (главным образом англо-американского) империализма, покорные исполнители его воли. Отражение этого находим и в художественной литературе тех лет¹², и в кинематографе (фильм М. К. Калатозова «Заговор обреченных»). Так, в «Заговорщиках» Н. Н. Шпанова, в полном соответствии с тогдашней официальной версией, Тито приписывалась организация так называемого заговора Л. Райка, после «разоблачения» которого был подвергнут репрессиям ряд деятелей, негодных коммунистическому правителю Венгрии тех лет М. Ракоши. В число гонимых попал сам Л. Райк, возглавлявший одно время министерство иностранных, а затем и внутренних дел страны. Заодно Тито приписывались планы организации интервенции в Венгрию для поддержки заговорщиков, а также «исправления» венгеро-югославской границы¹³. При этом, однако, не заострялось внимание на территориальных разногласиях между странами Восточной Европы, хотя отношения между Будапештом и Белградом были отягощены наследием прошлого, а амбиции Тито могли дополнительно усугубить положение [11, с. 214–215].

Точно так же и внешняя политика маоистов бичевалась не только в публицистике, но и в художественной литературе и в кинематографии СССР – достаточно назвать в качестве примера детективы Ю. С. Семенова «Бомба для председателя»¹⁴ (1970) и «ТАСС уполномочен заявить...»¹⁵ (1979), по которым во второй половине 1970-х – середине 1980-х гг. были сняты художественные кинофильмы¹⁶. Но здесь критика была более конкретной и глубокой. В 1960-х гг. подчеркивался ультралевый настрой внешней политики КНР; одновременно говорилось, что курс Пекина на раскол международного коммунистического и национально-освободительного движения объективно выгоден империализму, отвечает его интересам. Отмечалось и сотрудничество в ряде случаев китайских правящих кругов с «империалистическими силами», определенное совпадение позиций обеих сторон по ряду вопросов. В «Бомбе для председателя» (1970) прозрачно намекалось на сотрудничество маоистов с неофашистами, на симпатии Пекина к западногерманским реваншистам и взаимный характер этих симпатий. Более того, Ю. С. Семенов намекал¹⁷ и на причастность западногерманских монополий к созданию термоядерного оружия в КНР. Однако о вполне реальном содействии СССР китайской ядерной программе [7, с. 192–197], естественно, умалчивалось.

В 1970-х–1980-х гг., когда внешнеполитический курс пекинских лидеров существенно сдвинулся вправо, советские публицисты заговорили о Пекине как резерве, а затем и фактическом союзнике

¹⁰ Мальцев О. М. Указ. соч. С. 223–232.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Шпанов Н. Н. Указ. соч. С. 397–404.

¹³ Там же.

¹⁴ Семенов, Ю. Испанский вариант. Семнадцать мгновений весны. Бомба для председателя. Кишинев: Изд-во Картя Молдовеняскэ. 1979. 735 с.

¹⁵ Семенов Ю.С. ТАСС уполномочен заявить... М.: Советская Россия. 1979. 304 с.

¹⁶ Жизнь и смерть Фердинанда Люса [Кинофильм] / реж.А. Бобровский. СССР, Мосфильм; при содействии DEFA (ГДР), Barrandov Studio (Чехословакия), Allianz Film (Западный Берлин), Atelier 41(Япония). 1976; ТАСС уполномочен заявить... [Телесериал]: В 10 сер. / реж. В. Фокин. СССР, Киностудия им. М. Горького. 1984.

¹⁷ Семенов Ю. С. 1979. С. 412–413, 432, 496, 568–569, 615–616, 625–629, 648–653, 672–675, 678–680, 700–702.

империализма [1, с. 312–318]. В еще большей мере, нежели прежде, обличались гегемонистские устремления Пекина, особенно в Африке, о чем идет речь в романе «ТАСС уполномочен заявить...», и Юго-Восточной Азии. Применительно к последней в наибольшей степени это проявилось в конце 1970-х гг., когда резко обострились и дошли до военного противостояния китайско-вьетнамские отношения. Осуждалось вмешательство руководства КНР во внутренние дела ряда стран «третьего мира», попытки использовать в своих интересах разного рода «раскольничьи группировки» в коммунистическом и национально-освободительном движении. Интересно, что в советской прозе критика подобного рода звучала и тогда, когда антимаоистская кампания в СССР уже сворачивалась – так, М. Г. Домогацких резко осудил за двурушничество поведение китайского руководства во время агрессии США во Вьетнаме в своих романах, вышедших уже в середине 1980-х гг. Показательно, что эта критика вошла и в сокращенные, журнальные публикации его романов¹⁸. Но агрессия Пекина против СРВ в феврале-марте 1979 г., вызвавшая в СССР широкий резонанс [6], не успела найти отражения в советской беллетристике. Следует отметить при этом, что, в отличие от «Югославской трагедии», представители маоистского лагеря в советской художественной литературе 1970-х–1980-х гг. вовсе не подавались как простые марионетки США; не говорилось и об идентичности интересов Вашингтона и Пекина в «третьем мире». Речь шла исключительно об их тактическом партнерстве в целях противодействия Советскому Союзу и его политике в соответствующих странах.

Своеобразным направлением антимаоистской пропаганды в Советском Союзе 1970-х – начала 1980-х гг., отраженным художественной литературой, но по объективным причинам не имевшим никаких аналогов в антиитовской пропаганде, стало указание на использование Пекином в своих интересах зарубежных китайцев – хуацяо, а также на попытки лидеров КНР превратить хуацяо в свою «пятую колонну» в других странах. Особый всплеск интереса к данной теме наблюдался в 1978–1979 гг., когда проблема этнических китайцев во Вьетнаме резко обострилась и спровоцировала острейший кризис в отношениях между Пекином и Ханоем. О планах КНР использовать хуацяо в своих интересах идет речь в романе А. М. Левина «Желтый дракон Цзяо» (1980)¹⁹. Здесь упоминается «маоистское подполье» в Малайзии и Сингапуре и подчеркиваются усилия Пекина по превращению последнего во «второй» или «третий Китай» с учетом подавляющего преобладания ханьцев в населении города-государства. Устами одного из героев романа, журналиста Исмаила Азамаха, проводится аналогия между усилиями такого рода и политикой гитлеровской Германии в отношении «фольксдойчей», зарубежных немцев²⁰.

Авторы художественных произведений особо обличали игнорирование руководством КНР классового подхода при взаимоотношениях с зарубежными китайцами, как, впрочем, и с национальной буржуазией внутри страны. Эту тему поднимали в своих произведениях детективного характера М. И. Демиденко и А. М. Левин²¹. Авторы указывали, что Пекин вполне удовлетворен сохранением (по состоянию на 1970-е гг.) колониального статуса Гонконга и Макао в силу теснейших связей с тамошней буржуазией, а также вследствие получения из этих административных районов громадного количества валюты. Главный отрицательный персонаж романа А. М. Левина, один из руководителей китайской мафии в Сингапуре, образно именует данные пункты *бесценными камнями, инкрустированными в медную оправу народного Китая*²². Заметим, что поколением ранее при осуждении режима Тито советская пропаганда избегала говорить об отношении властей ФНРЮ к югославской буржуазии и прочим «нетрудящимся элементам» – как раз конец 1940-х – начало 1950-х гг. отмечены были в Югославии эскалацией «социалистических преобразований» в варианте, весьма близком к сталинскому; а либерализация экономической (и социальной) политики в ФНРЮ наступила позднее, уже после окончания конфронтации с Советским Союзом.

В связи с указаниями в советской детективной литературе 1970-х гг. на подрывную деятельность хуацяо в странах их проживания в печати поднимался и вопрос о связях между руководством КНР и китайской мафией. В упомянутом романе «Желтый дракон Цзяо» речь шла о взаимодействии восточноазиатских «триад» с пекинским руководством²³; на это же намекалось в повести

¹⁸ Домогацких М. Г. Южнее реки Бенхай. Политический роман // Роман-газета. 1984. № 1 (983). С. 17–18, 27–28, 90; Домогацких М. Г. Последний штурм. Политический роман // Роман-газета. 1985. № 5 (1011). С. 3–4, 46–47, 50–51, 52–54, 62.

¹⁹ Левин А. М. Желтый дракон Цзяо. М.: Советская Россия, 1980. 288 с.

²⁰ Левин А. М. Указ. соч. С. 190–191.

²¹ Демиденко М. И. Указ. соч. С. 66–68, 254; Левин А. М. Указ. соч. С. 190–194, 214–215.

²² Левин А. М. Указ. соч. С. 214.

²³ Левин А. М. Указ. соч. С. 190–194.

М. И. Демиденко «Дневник пройдохи Ке»²⁴. В обоих произведениях КНР прямо обвинялась в причастности к наркоторговле²⁵. Показательно, что А. М. Левин оперировал фактами, почерпнутыми из советской периодики, но позже, в условиях начинающейся нормализации советско-китайских отношений во второй половине 1980-х гг., в специальной, переведенной на русский язык работе о наркомафии в Юго-Восточной Азии обвинения Пекина в причастности к тамошней наркоторговле фактически были дезавуированы [15, с. 301].

Подводя итоги, необходимо констатировать не только бесспорное сходство, но и несомненные различия в антититовской и антимаоистской пропагандистских кампаниях в СССР 1940-х–1980-х гг. развернутых на страницах советской беллетристики. Литературные произведения, романы и повести, обращавшиеся к соответствующей тематике, были представлены часто в форме дневниковых записей лирических героев («Югославская трагедия», «Дневник пройдохи Ке») или воспоминаний («За великой стеной»). Многие прозаические произведения выдержаны в жанре детективов (произведения Ю. С. Семенова, повесть «Дневник пройдохи Ке» М. И. Демиденко, роман «Желтый дракон Цзяо» А. М. Левина, отчасти и роман «Заговорщики» Н. Н. Шпанова). Живой язык, присущий эти произведения, занимательная форма повествования предопределили интерес к ним читающей публики, что объективно благоприятствовало формированию удобного власти восприятия идеологических противников в массовом сознании. Заметно также сходство в источниковом базе произведений – в основе ее лежали газетно-журнальные публикации и труды публицистического характера. В основном речь шла об источниках отечественного происхождения, но некоторые авторы, писавшие по антимаоистской тематике, могли использовать зарубежную прессу и мемуариистику – это прослеживается, например, в романах М. Г. Домогацких, профессионального журналиста-международника.

Говоря о содержательной стороне произведений, к сходству при подаче образа «отступников-еретиков» относился характер обвинений в их адрес: им инкриминировались беспринципность, националистический уклон, отступничество от марксизма, предательство дела коммунизма и союза с СССР, сговор с империализмом, подрывная деятельность против Москвы и ее союзников. В обоих рассматриваемых в статье случаях имели место, пусть и в разной мере, попытки проследить генезис обличаемого отступничества и его причины; четко проводилось различие между правящей группировкой и широкими народными массами в Югославии и Китае. При этом в публицистике, но не в художественной литературе подчас допускалось и преувеличение оппозиционных настроений в Югославии конца 1940-х – начала 1950-х гг. и, в меньшей степени, в КНР 1960-х – начала 1980-х гг.

Различия касались расстановки акцентов при выдвижении обвинений, пунктов «обвинительных заключений», отчасти и тональности обличительного пафоса. Разница в наборе обвинений во многом была обусловлена специфическими условиями культурно-исторического развития Югославии и Китая, уровнем исследований, влиявших на советскую беллетристику, степенью компетентности авторов. Так, в случае с КНР критиковались и те аспекты идеологии и политики, аналога которым не было в югославском варианте (давние традиции китаецентризма, фактически сохраняемые и культивируемые маоцзэдуновским руководством, китайский трайбализм, стремление Пекина использовать в своих интересах хуацяо и состоящие из них организованные преступные группировки). Вместе с тем для антимаоистской публицистики характерны были гораздо более глубокий и всесторонний анализ рассматриваемого явления, стремление избегать упрощенных оценок и легковесных выводов (к примеру, пекинское руководство и в художественной литературе никогда не выдавалось за американского сателлита); сказывалось и то, что, в отличие от титовской Югославии, не было открытого исключения Китая из списка социалистических стран. Кроме того, нужно принимать во внимание различный уровень советской балканистики середины XX в., с одной стороны, и отечественной синологии последней трети XX в., с другой. Если антититовские работы публицистического характера конца 1940-х – начала 1950-х гг. писались, как правило, лицами, очень далекими от проблем славяноведения и балканистики, да и положение дел в советском славяноведении после пресловутого «дела славистов» 1933–1934 гг. оставляло желать лучшего [13, 506–508]; то авторами популярных антимаоистских работ часто выступали профессиональные синологи, притом что уровень развития китаеведения в СССР второй половины XX в. был весьма высоким, что влияло на качество советской беллетристики: советская проза 1960-х–1980-х гг., поднимавшая антимаоистские сюжеты, обычно была гораздо основательнее, чем пресловутая «Югославская трагедия». И сами авторы, писавшие о китайском «отступничестве», в целом были более компетентны в синологии, чем, к примеру, О. М. Мальцев и

²⁴ Демиденко М.И. Дневник пройдохи Ке. Л.: Лениздат, 1976. С. 249, 254.

²⁵ Там же. С. 249-255; Левин А.М. Указ. соч. С. 193-194.

Н. Н. Шпанов – в югославистике. Такие авторы, как М. Г. Домогацких и Ю. С. Семенов сами были профессиональными ориенталистами и могли судить о Китае и китайцах основательно, аргументировано, с хорошим знанием дела. Мы считаем, что высокий публицистический и отчасти художественный уровень советской антимаоистской литературы 1960-х–1980-х гг., включая беллетристику, во многом обусловил эффективность советской пропаганды на «китайском направлении» в указанный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов О. Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы. Политический очерк. М. : Политиздат, 1982. 384 с.
2. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / под ред. М. И. Сладковского (отв. ред.) и др. М. : Политиздат, 1975. 126 с.
3. Владимиров О. Е., Рязанцев В. И. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М. : Политиздат, 1969. 80 с.
4. Владимиров П. П. Особый район Китая 1942–1945 гг. М. : АПН, 1974. 655 с.
5. Джилас М. Тито: мой друг и мой враг. Париж : Лев, 1982. 223 с.
6. Дорожкин А. Г., Переверзев В. В. Первые «социалистические войны» в отражении советской периодической печати // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2012. № 1. С. 236–254.
7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VIII / отв. ред. Ю. М. Галенович. М. : Наука, 2017. 822 с.
8. Кюзаджян Л. С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М. ; Наука, 1970. 239 с.
9. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М. : АСТ; Восток–Запад, 2007. 598 с.
10. Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна. М. : Прогресс, 1980. 286 с.
11. Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / под ред. А. С. Аникеев. М.; Спб. : Нестор-История, 2017. 432 с.
12. Рахимов Т. Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М. : Мысль, 1968. 119 с.
13. Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М. : Литературное обозрение, 2011. 1024 с.
14. Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск : Русич, 1997. 512 с.
15. Шнейдер Б. Золотой треугольник. Пер. с чешск. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 319 с.

A. G. Dorozhkin (Magnitogorsk, Russia)

“TRAITORS” IN THE PAGES OF WORKS OF LITERATURE: YUGOSLAVIA IN THE LATE OF 1940S-EARLY 1950S AND CHINA IN THE 1970S – THE FIRST HALF OF 1980S IN THE INTERPRETATION OF THE SOVIET LITERATURE

Abstract. The article deals with the comparison of the reflection in the Soviet literature of the late of the 1940s-1950s and the 1970-1980s, respectively, of the Yugoslav and Chinese themes. The split of the USSR with the recently “fraternal” countries could not but be reflected in the literature. The specificity and duration of the controversy in both cases left an imprint on the number and frequency of publications of a critical nature, on the degree of reference to the topic in the domestic literature of the period of the bilateral split. In both cases, undoubted was the relationship of the character and content of works of the literature with propaganda image of the “countries of the apostate”, created the Soviet mass media and journalism. In both cases attended an interpretation in the negative light of individual episodes of the history of these countries and their Communist parties, sharp criticism of the domestic and foreign policy of the leading groups of “heretical” parties, of the emphasis on the anti-Soviet content of this policy; the leading groups and their political course was not identified with the people of Yugoslavia and China, separated from the ruling regimes. However, in the propaganda and the attitudes reflected in soviet literature, there were specific features associated with the specifics of both countries, the peculiarities of their historical path and with the level of development in the USSR of Balkan studies and Sinology during these periods. The latter circumstance, according to the author, resulted in a higher level of criticism in the USSR political course of Maoism in the 1970s – the first half of 1980s, in comparison with the anti-Tito propaganda a generation earlier. This is also noticeable in the comparison of literature, referring to the “years of the split”.

Keywords: literature, Yugoslavia, China, split, Titoism, Maoism

REFERENCES

1. Borisov O. B. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Kitaya v 70-e gody. Politicheskii ocherk, Moscow, Politizdat, 1982, 384 p.
2. Velikoderzhavnaya politika maoistov v natsional'nykh raionakh KNR / pod red. M. I. Sladkovskogo (otv. red.) i dr., Moscow, Politizdat, 1975, 126 p.
3. Vladimirov O. E., Ryazantsev V. I. Stranitsy politicheskoi biografii Mao Tszeduna, Moscow, Politizdat, 1969, 80 p.
4. Vladimirov P. P. Osobyi raion Kitaya 1942–1945 gg., Moscow, APN, 1974, 655 p.
5. Dzhilas M. Tito: moi drug i moi vrag, Parizh, Lev, 1982, 223 p.
6. Dorozhkin A. G., Pereverzev V. V. Pervye «sotsialisticheskie voyny» v otrazhenii sovetskoi periodicheskoi pechati, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], Moscow–Magnitogorsk–Novosibirsk, 2012, no. 1, pp. 236–254.
7. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala KhKh1 veka, vol. VIII / otv. red. Yu. M. Galenovich, Moscow, Nauka, 2017, 822 p.
8. Kyuzadzhyan L. S. Ideologicheskie kampanii v KNR (1949–1966). Moscow, Nauka, 1970, 239 p.
9. Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh. Moscow, AST; Vostok–Zapad, 2007, 598 p.
10. Maoizm bez prikras. Nekotorye uzhe izvestnye, a takzhe ranee ne opublikovannye v kitaiskoi pechati vyskazyvaniya Mao Tszeduna, Moscow, Progress, 1980, 286 p.
11. Moskva i Vostochnaya Evropa. Sovetsko-yugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka. 1948–1953 gg. Ocherki istorii / pod red. A. S. Anikeev, Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017 p.
12. Rakhimov T. R. Natsionalizm i shovinizm – osnova politiki gruppy Mao Tsze-duna. Moscow, Mysl', 1968, 119 p.
13. Romanenko S. A. Mezhdru «proletarskim internatsionalizmom» i «slavyanskim bratstvom». Rossiisko-yugoslavskie otnosheniya v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo KhKh veka – 1991 god), Moscow, Literaturnoe obozrenie, 2011, 1024 p.
14. Uest R. Iosip BrozTito: vlast' sily. Smolensk, Rusich, 1997, 512 p.
15. Shneider B. Zolotoi treugol'nik. Per. s cheshsk, Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1989, 319 p.

Дорожкин А. Г. «Отступники» на страницах художественных произведений: Югославия конца 1940х – начала 1950х гг. и КНР 1970х – первой половины 1980х гг. в отражении советской беллетристики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 21–28.

Dorozhkin A.G. “Traitors” in the Pages of Works of Literature: Yugoslavia in the late of 1940s-early 1950s and China in the 1970s – the First half of 1980s in the Interpretation of the Soviet Literature, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 4, pp. 21–28.

0,84 печ. л.

Дата поступления статьи – **20.03.2019**

Сведения об авторах

Дорожкин Андрей Геннадьевич – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; andrew-67@mail.ru

Author:

Andrey G. Dorozhkin, Ph.D. in History, Professor, Department of World history, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; andrew-67@mail.ru